

Френсис Грин

Позвольте мне, дорогой Арсений, взять на себя смелость и сделать обобщение. Все историки мира – и вы, один из крупнейших, не являетесь исключением – иногда недостаточно придают внимания той жизненно важной роли, которую подчас играют самые неприметные на первый взгляд обстоятельства, обстоятельства, которые при этом оказываются подлинной причиной великих и роковых перемен в жизни людей или даже важным поворотом в истории цивилизации.

Таким незначительным обстоятельством может оказаться появление раздраженной осы. Или, как это было в нашей с вами истории, опоздавший автобус.

Раздраженная оса изменила мир в июне 1914 г. в Сараево, когда она напала на шофера автомобиля, который вез эрцгерцога Франца Фердинанда с женой. Оса отвлекла водителя, и он пропустил поворот. Автомобиль эрцгерцога повернул в другом месте, где в тот момент случился Гаврило Принцип с заряженным револьвером в кармане.

Опоздавший автобус привел нас не к столь грандиозным последствиям. Летом 1989 г. я стоял у книжного магазина «Фойлс» – единственного в Лондоне магазина, продававшего советские книги и газеты. Я уже простоял минут двадцать в ожидании автобуса номер 12, который шел в Ноттинг-Хилл, район, где я в то время жил. Чтобы скоротать время, купил безвкусно яркий журнал «Крокодил». Да мне было и любопытно посмотреть, что я смогу прочесть в нем и понять. Когда наконец автобус довез меня до дома, и я смог читать со словарем, на второй странице я прочел о создании общества «Мемориал». Меня вдруг охватило совершенно необъяснимое желание написать в «Мемориал» с предложением своих услуг, если таковые ему понадобятся в Англии (ибо в те дни я не мог предложить ничего более конкретного и существенного). И ответ, когда он до меня в конце концов дошел (он пришел с большим опозданием), был чрезвычайно неожиданным. В письме, лишенном всяких казенных формальностей, написанном будто старинному другу, меня приглашали приехать в Москву, где я смогу остановиться просто в чьем-то частном доме и ездить по стране, по местам, которые не запрещены иностранцам. И это все было готово организовать общество МЕМОРИАЛ!

Как можно было устоять от такого предложения? Россия для нас была другой планетой, практически совершенно неведомой. Где бы я сумел приобрести настоящие карты, хотя бы Москвы, не говоря уже о более отдаленных местах гигантского Советского Союза? Россия казалась такой же далекой, как и обратная сторона Луны. Но вот ваша неизвестная планета предлагала мне не только богатство своей почти забытой архитектуры и искусства, которое только-только стало выходить на свет из запасников музеев, но, более того, готова была предоставить мне возможность знакомиться с людьми и обрести друзей среди самых выдающихся инопланетян. Более того, Арсений, один из ведущих основателей Мемориала, предлагал быть моим гидом (как Вергилий вел Данте по кругам Ада), чтобы я узнал правду об одном из самых страшных периодов, какие знает наш мир.

Таким образом, этот эпизод стал тем неожиданным, непредсказуемым моментом, повернувшем всю мою жизнь, как тот поворот автомобиля, в котором находился эрцгерцог. Только в моем случае это привело к счастливому концу, и я безгранично благодарен водителю автобуса номер 12. Благодаря ему я вот уже четверть века дважды в год ищущу (да и нахожу!) приключений, изъездив почти все регионы вашей страны; и во время этих путешествий мое восхищение вами постоянно растет.

Вот какую запись я обнаружил в одном из своих первых дневников. Это было лето 1990 г.:

«Квартира Арсения Рогинского – передняя дверь открыта; кошка, уютный беспорядок, коробки с папками от пола до потолка. Его энергия заряжает, а глядя на его крупное, неотесанное лицо, мне кажется, что знал его всю жизнь.

«Как я ненавижу людей, которые эмигрируют», – сказал он; с такой отчетливостью говорил, что я понял каждое слово. Он только что вернулся после инспекции семи самых ужасных лагерей и тюрем, куда он сам был заключен совсем недавно как диссидент. В нынешней поездке участвовала делегация Верховного Совета. Он невероятно смешно в лицах описал, как тюремные администраторы, которые сами трепетали перед заместителем ГУФСИНа, открыв рты наблюдали, как этот высокопоставленный чиновник, во всех своих регалиях, пресмыкался перед Арсением».

А ваш величайший подарок мне – полка, уставленная тоненькими книгами. К настоящему моменту их сорок восемь – мои дневники с записями о поездках, о писателях, поэтах, случайных попутчиках (часто самые информативные, разговорчивые из них это таксисты в провинциях); записи рассказанных мне анекдотов, зарисовки потрясающих пейзажей, лесов и рек, суровой тундры близ «Железной Дороги Смерти», гейзеров на Камчатке, освещенных звездами просторов Тувы, а также отголосков трагедии – лесов, где недавно обнаружены массовые захоронения, свидетельства мужественных политзаключенных, таких как Сусанна Печура; заметки о медведе, бродившем у горы обуви рядом с шахтой на Колыме, где мой дозиметр зашкалил. И за все это я у вас в долгу, гораздо большем, чем почти тридцать лет назад был в долгу перед водителем лондонского автобуса номер 12.